

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЭТРУСКОВ

В этрускологических исследованиях важное место занимает изучение археологических памятников, добытых во время раскопок этрусских погребений, а в последнее столетие и поселений. Поэтому вполне закономерно, что инициатива организации первой в Советском Союзе этрускологической конференции принадлежит Государственному Эрмитажу, обладателю крупнейшего в нашей стране собрания этрусских памятников, а сама конференция, состоявшаяся 17—19 октября 1972 г., была приурочена к открытию выставки «Культура и искусство Этрурии».

Уже в XVIII в. в Эрмитаж поступили этрусские бронзы и скарабей, происходящие из коллекций герцога Орлеанского, Ж.-Б. Казановы, Беверли и других собирателей. В XIX в. к ним прибавились крупные коллекции Пиццати и Кампана с уникальными произведениями этрусского искусства, а также коллекции Г. А. Черткова¹. После Великой Октябрьской социалистической революции в Эрмитаж поступили этрусские вещи из частных коллекций Шуваловых, Боткиных, Строгановых. Так сформировалось значительное собрание этрусских памятников, не уступающее другим крупным коллекциям за пределами Италии.

¹ А. А. Передольская, Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже, Л., 1967; «Культура и искусство Этрурии», Каталог выставки, Л., 1972.

Отдельные группы и предметы этрусской коллекции Эрмитажа давно уже привлекли внимание ученых². Но целенаправленные и планомерные исследования на ее материале начались лишь в последнее десятилетие. Свидетельством этому служит как появление значительного числа работ советских ученых по этрусковедению³, так и подготовка самой выставки и ее каталога, имеющего большую научную ценность⁴.

В конференции приняли участие и ученые, давно зарекомендовавшие себя этрусковедческими исследованиями, и недавно вступившие на стезю этрусковедения. Гостями и участниками конференции были коллеги из Венгрии, Германской Демократической Республики и Польши.

Во вступительном докладе академик *Б. Б. Пиотровский* остановился на некоторых спорных проблемах этрусской археологии и истории. Докладчик придерживается комплексной теории происхождения этрусской культуры, согласно которой она представляет собой не только продолжение и развитие на той же территории культуры Виллановы, но и результат скрещения разнообразных внешних влияний — египетских, греческих, финикийских, малоазиатских. Подробно останавливаясь на последних, *Б. Б. Пиотровский* ставит вопрос о путях, связывавших Этрурию с Малой Азией. По его мнению, они совпадают с «оловянной дорогой», начинавшейся в местах добычи олова на североатлантическом побережье Европы и проходившей через Галлию или Испанию далее на Восток к Малой Азии. Возникновение этрусских городов на побережье, обращенном к Испании, трактуется как одно из доказательств функционирования «оловянного пути». Рассматривая его восточный сухопутный участок, *Б. Б. Пиотровский* обращается к документам из Угарита и Кашиша, содержащим интересные сведения об организации и технике этой торговли, а также о ее результатах. По мнению докладчика, этрусские торговцы и их контрагенты использовали древнейшие восточные пути оловянной торговли. Уровень этрусской торговли был обусловлен социальным строем этрусков с сильными пережитками догосударственного сословия. Развитие хозяйства и рост производительных сил в Этрурии не создали еще условий для образования государства, «господствующий класс оформился уже как эксплуататор, но не стал еще организатором производства, что необходимо при государственном строе». *Б. Б. Пиотровский* считает, что «в обществе, где основой жизни представляла торговля и военный захват, господствующий класс был в основном организатором распределения благ». Таким образом, по мнению докладчика, Этрурии были свойственны очень своеобразная форма общественных отношений и особый вариант развития культуры. В заключение акад. *Б. Б. Пиотровский* охарактеризовал проблематику работы конференции и ее научную значимость.

Большое место на конференции было уделено проблемам этрусского языка. Характеризуя современное состояние его изучения, *А. И. Харсекин* (Минск) в докладе «Нынешнее состояние интерпретации памятников этрусского языка» отметил, что «благодаря последовательному применению строгих исследовательских приемов,

² *Л. Стефани*, Древние бронзы и терракоты, СПб., 1883; *О. Ф. Вальдгауэр*, Краткое описание античных ваз..., СПб., 1906; *М. И. Максимова*, Античные резные камни Эрмитажа, Л., 1926; *о л а ж е*, Этрусский скарабей с изображением скифа, «Сообщения ГАИМК», I, Л., 1926.

³ *А. И. Вошникова*, Бронзовая этруская скульптура юноши, «Труды Гос. Эрмитажа», VII, 1962; *о н а ж е*, Этрусская бронзовая патера из мастерской Вульчи, «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1961 год», Л., 1962; *о н а ж е*, Statua cinerario in bronzo di arte etrusca nelle collezioni dell' Ermitage, SE, XXXIII, 1963, стр. 317—328, табл. LX XI—LXXV; *С. П. Борисковская*, О некоторых ранних формах этрусской керамики буккери, СА, 1969, № 2; *о н а ж е*, Вазы буккери с рельефами из района Вульчи, ВДИ, 1971, № 1; *о н а ж е*, Etruscan Relief Pithoi from Caere, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock», XIX, 1970, Ht 8; *З. А. Блимович*, К вопросу о римском влиянии на искусство восточных провинций, «Культура и искусство античного мира», Л., 1971; *Л. И. Гаталина*, Четыре краснофигурных этрусских блюда с женской головой в медальоне (IV—III вв. до н. э.), «Труды Гос. Эрмитажа», VII, 1967; *А. И. Харсекин*, Вопросы интерпретации памятников этрусского языка, Ставрополь, 1963.

⁴ «Культура и искусство Этрурии», Каталог выставки, Л., 1972.

составляющих комбинаторную методiku, к настоящему времени удалось добиться известного прогресса в истолковании отдельных явлений этрусской грамматики и некоторой части словаря». Успехи достигнуты и в понимании наиболее распространенных категорий надписей (эпитафий, votивных и дарственных текстов). Далее докладчик подробно остановился на последних работах по этрусскому языку. Типичным примером заблуждений, в которые впадали неоднократно сторонники так называемого этимологического (сопоставительного) метода интерпретации, является, по мнению докладчика, работа З. Майяни «Этрусски начинают говорить». Ее автор выводит смысл этрусских слов на основании более или менее сходных внешне албанских параллелей. Докладчик считает, что не выдерживает научной критики и тезис В. Георгиева, пытающегося раскрыть смысл этрусских надписей с помощью хеттского языка. Наиболее полное представление о состоянии наших познаний в этрусском языке, полагает докладчик, дает вышедшая в 1969 г. работа австрийского ученого А. Пфиффига⁵, который, однако, склонен преувеличивать достигнутые успехи. Ведь из-за однообразия большей части эпиграфических материалов и отсутствия близких этрусскому языков «наши знания о грамматической структуре и словаре этрусского языка остаются фрагментарными, а все его наиболее значительные памятники нерасшифрованными». А. И. Харсекин считает, что в настоящее время можно лишь с большей или меньшей определенностью говорить о характере этрусского языка. Будучи «в своей основе языком ностратического типа, он содержит обширные индоевропейские наслоения», а также анатолийские элементы. Однако докладчик не склонен преувеличивать их роль в формировании этрусского языка, как то делает, по его мнению, В. Георгиев в своих последних работах.

В другом докладе «Этрусские надписи Государственного Эрмитажа» А. И. Харсекин внес некоторые уточнения в чтение и толкование этрусских надписей из собрания Государственного Эрмитажа, уже изданных им ранее, а также установил вероятное этрусское происхождение нескольких знаков (по мнению докладчика, обозначающих числительные) на сосудах.

В. В. Шеворошкин (Москва) выступил с докладом «К проблеме генетической принадлежности этрусского языка». До сделавших эпоху исследований В. М. Иллич-Свитыча и А. Б. Долгопольского о ностратических языках все попытки связать этрусский язык в генетическом отношении с каким-либо известным языком терпели неудачи. Высоко оценивая научное значение разработанной ими сравнительной фонетики и грамматики ностратических языков, докладчик считает возможным использовать ее для определения генетической принадлежности этрусского языка. Он приводит многочисленные конкретные примеры, убедительно подтверждающие ностратический характер этого языка. В плане ностратических связей этрусского языка докладчик склонен трактовать и параллели между ним и индоевропейскими, которые в предшествующий период истолковывались многими этрускологами как явное свидетельство индоевропейской принадлежности языка этрусов. Докладчик выражает надежду, что с пополнением эпиграфических материалов появится возможность установить, в какую конкретно группу языков ностратического типа входил этрусский, а применение комбинаторной методики принесет дальнейшие успехи в дешифровке этрусского языка.

Вопросы внешних связей Этрурии играют видную роль среди проблем истории этрусов. Задачу освещения тех сторон контактов этрусов с иберами, которые раскрываются в свете археологических открытий и данных античной традиции, поставила В. И. Козловская (Воронеж) в докладе «Этрусски и иберы». Соглашаясь с мнением А. Бланко о торговом характере этрусско-иберийских связей, докладчик основное внимание уделяет проблеме их периодизации. Зарождение этих связей докладчик относит к началу VIII в. до н. э., на что указывает значительное число находок этрусских вещей на востоке Пиренейского полуострова; однако регулярный характер

⁵ A. J. P f i f f i g, Die Etruskische Sprache, Gratz, 1969.

торговля этрусков с иберами принимает лишь со второй половины VII в. до н. э., что совпадает, таким образом, со временем этрусской талассократии; спад торговой деятельности этрусков датируется в докладе второй половиной VI — началом V в. до н. э. и объясняется усилением фокейского влияния на Западе, ухудшением взаимоотношений с карфагенянами и непрочностью внутреннего положения Этрурии в этот период. Ликвидация этрусской торговли явилась, по мнению докладчика, следствием дальнейшего ухудшения как внешнего положения Этрурии (разрушение Сибариса, утверждение греков в Мессинском проливе, разгром объединенного этрусско-карфагенского флота при Кумах), так и внутреннего. В вопросе о характере этрусско-иберийских связей докладчик признает приоритет этрусков. Об этом свидетельствует как простое соотнесение продукции обоих сторон (в обмен на металлы этруски поставляли продукты сельскохозяйственного производства — вино и лен), так и факты внутренней истории Иберии, которая заметно отставала в своем развитии от передовых государств древнего Средиземноморья. В. И. Козловская ставит вопрос о роли карфагенян в этрусско-иберийской торговле и считает возможным заключить, что торговое партнерство этрусков и карфагенян (выразившееся в разделе Иберии на соответствующие зоны влияния) уступило место гегемонии последних, которая и способствовала ликвидации торговли этрусков с иберами.

Проблеме отношений этрусков с греками во второй половине VI в. до н. э. был посвящен доклад Ю. Б. Циркина (Новгород) «Этрусско-фокейская война». Существование фокейского и этрусского импорта в Массалии и Эмпорионе, а также связи фокейцев непосредственно с Этрурией и с этрусским Римом докладчик истолковывает как свидетельство хороших отношений между фокейцами и этрусками, сложившихся в VII — начале VI в. до н. э. В период фокейской талассократии (584—540 гг. до н. э.) отношения между фокейцами и этрусками становятся напряженными, особенно после того, как около 540 г. до н. э. на Запад прибыла новая волна переселенцев из Фокеи. С этим периодом совпадает исчезновение этрусской керамики в Южной Галлии и Испании. В борьбе с фокейцами этруски ищут помощи у старых врагов — карфагенян. Особую заинтересованность в ликвидации фокейского могущества проявляет Цере, поскольку основание Алалии и захват южного побережья Галлии чувствительно затрагивали его интересы. Докладчик использует золотые пластинки из Пирга для подтверждения постулируемых им тесных связей Цере с Карфагеном. Заключение этрусско-карфагенского союза способствовало победе при Алалии и изгнанию греков с острова Корсики. Союзники ведут успешные военные действия на юге Галлии, концентрируя свои усилия главным образом вокруг предполагаемой этрусской колонии в современном Сен-Блезе. В устье Арно они завоевывают фокейскую колонию Пизу. Эти события, а также укрепление карфагенян на Балеарских островах изолировали, по мнению докладчика, Алалию от остальных фокейских колоний Запада и вынудили ее жителей переселиться в Южную Италию. Так в центральной части Средиземноморья устанавливается этруская талассократия, длившаяся вплоть до морского поражения при Кумах в 474 г. до н. э.

А. И. Немировский (Воронеж) в докладе «Проблемы этрусской урбанистики», основываясь на материалах новейших раскопок в Марцаботто, остановился на вопросе о характере этрусского города как социально-экономического феномена. Докладчик склоняется к мнению, что большинство этрусских городов возникло не как крепости, а в результате процесса общественного разделения труда. Об этом свидетельствует и тот факт, что ряд городов возник на месте поздневиллановских центров. В споре между противниками и сторонниками существования этрусского ритуала основания городов докладчик присоединяется к последним, подчеркивая также элементы греческого влияния на этрусскую урбанистику. В докладе был рассмотрен жилой дом этрусков, как он вырисовывается из материалов новейших раскопок в Марцаботто, Рузеллах, Мурло, Аквароссе. А. И. Немировский также охарактеризовал систему этрусской фортификации и благоустройства этрусских городов, выявив их зависимость от эгейских образцов. Проанализировав данные традиции и археологии, он приходит к выводу, что первыми создателями городов в Италии были пеласги.

Р. Е. Ляст (Уфа), выступившая с докладом «Некоторые аспекты экономического развития Этрурии в раннеимператорский период», оспаривает господствовавшее в научной литературе конца XIX — начала XX в. мнение о том, что уже в период поздней Республики Этрурия пришла в запустение. Изучение археологического материала приводит докладчика к выводу о неравномерном развитии отдельных частей Этрурии: видимо, здесь процесс разорения, с одной стороны, и концентрации земельной собственности, с другой, шел интенсивнее, чем в других областях Италии, однако «не настолько, чтобы привести в запустение большую часть Этрурии». Касаясь причин упадка этрусской экономики, докладчик ставит под сомнение традиционное объяснение этого процесса усилением господства крупного землевладения. Р. Е. Ляст рассматривает данные письменных источников и археологии, которые показывают, что с конца Республики и вплоть до середины II в. до н. э. наряду с развитием крупного землевладения — в основном на юге и крайнем севере Этрурии — существовала значительная зона господства хозяйств средних размеров. По мнению докладчика, это относится в первую очередь к тем районам, куда выводились колонии Цезаря, триумвиров, Августа и других императоров.

В. Ф. Кузнецов (Куйбышев) в докладе «Порсена и начало римской республики» рассмотрел в историографическом плане проблему войн этрусков с Римом в конце VI — начале V в. до н. э. Считая завоевание Рима несомненным фактом, докладчик присоединяется к мнению тех исследователей, которые рассматривают его как эпизод в осуществлении широкого плана этрусской экспансии на юг. В. Ф. Кузнецов касается также вопроса о продолжительности этрусского господства в Риме. Вопреки распространенному мнению о том, что власть этрусских царей в Риме пала вследствие упадка его экономического благосостояния, докладчик присоединяется к мнению А. И. Немировского, считающего, что политический переворот в Риме не был связан с застоем и упадком экономики. Она продолжает интенсивно развиваться вплоть до поражения этрусков при Кумах 474 г. до н. э. Это позволяет докладчику заключить, что Рим находился под этрусским влиянием по крайней мере еще 30 лет после падения царской власти.

Достаточно широко было представлено на конференции искусствоведческое направление этрускологических исследований. Здесь прежде всего следует отметить доклады зарубежных гостей конференции.

Я. Силади (Будапешт) в докладе «Этрусско-коринфская вазовая живопись» рассмотрел эволюцию этрусско-коринфской вазовой живописи, выделив три ее периода (630/620—590, 590/580—560, 560—530 гг. до н. э.) и указав различные мастерские с центрами деятельности в Церре, Вулчи и Тарквиниях. Докладчик считает, что хронологическое определение деятельности этрусских мастерских и их центров имеет неопределимое значение не только для историков искусства, но и для историков в широком смысле.

В. Добровольский (Варшава), прочитавший доклад «Знакомство этрусков с греческой мифологией в архаический и классический периоды», опирается в своем исследовании на материал этрусско-коринфской вазовой живописи. Возражая тем, кто полагает, что этруски знали греческую литературу и на ее основе создавали собственные неизвестные греческому искусству изображения, докладчик объясняет появление мифологических сцен, неизвестных греческому искусству, слабым знанием мифов. Однако интерес к ним тех слоев этрусского общества, которые вели торговлю с греками, был, по мнению докладчика, постоянным. Так он объясняет и стремление к изображению «недостаточно понятных мифологических сцен при помощи соответствующих греческих образцов» и многочисленные греческие заимствования в этрусском языке.

Г. Херес (Берлин, ГДР) в докладе «Подделки этрусских скарабеев» сообщил о наличии в античной коллекции Государственных музеев Берлина 12 «этррусских скарабеев», выполненных неизвестным мастером в начале XIX в., и дал их детальное описание. Докладчик видит пристрастие к этрусским образцам не только в геммах-подделках, но и в специальных изданиях по глиптике этого времени. В подтверждение автор ссылается на публикацию Миллема «Резные камни», прорисовки в которой

«воспроизводятся в архаическо-этрусской стилизации». Появление значительного числа подделок в начале XIX в. Г. Херес объясняет сильным влиянием этрусских оригиналов на глиптику этого времени.

Истории одного из типов этрусской керамики был посвящен доклад *С. П. Борисковской* (Ленинград) «О центрах производства этрусского буккери». До недавнего времени можно было лишь очень приблизительно говорить о районах производства этих сосудов: для второй половины VII — первой половины VI в. до н. э. о Южной Этрурии (тонкое буккери с рельефами и гравированными фризами), а для второй половины VI в. до н. э. о Центральной Этрурии (Клузий), где изготовлялось тяжелое буккери. Сейчас благодаря работе, сделанной Дж. Бизли и другими систематизаторами этрусского керамического материала, стала возможной более точная локализация центров производства этрусского буккери. *С. П. Борисковская* выделяет две группы таких центров: центры собственно Этрурии и итальянские города, колонизованные этрусками или находившиеся под их влиянием. Имеющаяся в распоряжении современной науки керамика этрусов позволяет, по мнению докладчицы, говорить о наличии производства тонкого буккери как в Южной Этрурии (Цере, Тарквинии, Вейи), так и в Северной (Ветулония). *С. П. Борисковская* считает, что наиболее древним и основным центром производства был Цере. В его некрополе Вездитачча, а также в гробнице Реголини — Галасси найдены прекрасные образцы ранней керамики буккери. К такому заключению приводит автора и «сопоставление стиля гравированных изображений на вазах буккери с монументальными расписными вазами и росписями церетанских гробниц». *С. П. Борисковская* присоединяется к мнению *Л. Банги*, *Л. Донати* и других итальянских археологов о последующем перемещении очагов этрусского производства буккери в Центральную Этрурию. Докладчица полагает также, что помимо Клузия оно локализуется в Вульчи и Орвьето, *С. П. Борисковская* детально останавливается на характеристике клузийских, вульчанских и орвьетийских образцов из эрмитажной коллекции.

Попытки обнаружения связей между этрусками и Северным Причерноморьем имеют свою историю. Уже *М. И. Максимова* дала тщательный анализ одного из скарабеев с изображением коленапреклоненного воина-варвара и этрусской надписью «Скиф». В том же направлении идут поиски *О. Я. Неверова* (Ленинград), выступившего с докладом «Памятники этрусского искусства в Северном Причерноморье». Докладчица выделяет в эрмитажной коллекции скарабеев и гемм предметы этрусского производства. Он считает, что наиболее древним в этой группе памятников является скарабей из Анапы с изображением Геракла. Отвергая мнение *Л. Стефани* о его финикийско-египетском происхождении, *О. Я. Неверов* относит эту гемму по теме, стилю и техническим приемам резьбы к «изделиям одной из этрусских мастерских начала IV в. до н. э.». На основании сходства с этрусскими скарабеем IV—III вв. до н. э. из коллекций Эрмитажа и Женевского музея] искусства и истории докладчица считает возможным признать этрусское происхождение за группой из трех скарабеев стиля «a globolo», найденных в Керчи, Пантикапее и Нимфее. Докладчица склоняется к мнению об отсутствии прямых связей между этрусками и населением Северного Причерноморья.

Е. В. Мавлеев (Ленинград) в докладе «„Книга жизни“ у этрусов» привлек внимание к группе этрусских погребальных памятников с изображениями так называемых «пишущих божеств». В истолковании значения свитков и диптихов докладчица примыкает к мнению *Ф. Вега*, сопоставляющего их с идеей «небесной книги дурных и добрых деяний человека, однако с той разницей, что эта идея происходит не из круга орфиков-пифагорейцев и иудео-христианских представлений, а из египетско-вавилонских воззрений». В этой связи *Е. В. Мавлеев* рассмотрел проблему египетско-вавилонского влияния в сферах этрусской религии и искусства, полагая, что его проводниками были карфагеняне. Интересна мысль докладчицы о специфичности этрусского варианта книги жизни, представляющей, по его мнению, «послужной список смертного на загробном суде».

Мифологии этрусов был посвящен доклад *Л. А. Ельницкого* (Москва) «Проис-

хождение этрусской космогонии — дивинации. (Из словаря Суды)». Давая обзор литературы вопроса, докладчик отмечает, что излагаемую Судой (под словом «Этрурия») древнеэтрусскую легенду о происхождении мира обычно связывают с библейским текстом на соответствующую тему. Критикуя категоричность М. Паллоттино в этом вопросе, он положительно оценивает точку зрения Б. Ногара о проблематичности приоритета библейской космогонии перед этрусской. Особо останавливаясь на указании А. Пиганьола о наличии некоей пехлевийской традиции, весьма близкой этрусской космогонии и возводящей ее к общему с Библией древневосточному источнику, докладчик полагает, что для окончательного выяснения вопроса о происхождении этрусской космогонии следует наряду с древневосточными шире привлекать материалы древнегреческих эпических и философских космогонических представлений, которые обнаруживают родство с этрусскими. Л. А. Ельницкий объясняет это единством происхождения из космогонических воззрений Передней Азии, о чем, по его мнению, свидетельствуют также широкие связи Греции и Этрурии с Передней Азией в сфере материальной культуры и прикладного искусства, которые неизбежно предполагают соответствующие связи и в области духовной культуры.

Н. К. Тимофеева (Новосибирск) посвятила свое сообщение «Этриский Ферсу и лидийский Кандаулес» выяснению смысла и происхождения сюжета борьбы человека с разъяренным псом на этрусских гробницах. Согласно толкованию докладчика, этот сюжет имеет связь с обрядом посвящения подземным богам «в двух вариантах — победа зверя и победа человека». Особый интерес представляет установление параллели этого ритуала и имени лидийского царя Кандаулеса («душителъ псов»), поскольку она может служить несомненным свидетельством в пользу распространенной в древности малоазийской версии происхождения этрусов.

В развернувшихся прениях были высказаны пожелания о продолжении дальнейших контактов между советскими этрускологами и их зарубежными коллегами, а также сделаны замечания по ряду положений, высказанных в докладах. Возражения выступавших вызвал доклад О. Я. Неверова: *Ю. И. Дюков* указал на недостаточную убедительность приведенных докладчиком аналогий между северопричерноморскими и этрусскими геммами и необоснованность вывода о влиянии восточного рынка на формирование художественного вкуса у этрусских торевтов; *А. П. Манцевич* (Ленинград) высказала сомнения в правильности предложенной О. Я. Неверовым трактовки стиля скарабеев «а globolo». В дополнение к поднятой в докладе Р. Е. Ляст проблеме *Н. К. Тимофеева* остановилась на жизненности этрусских традиций в римскую и средневековую эпохи, особенно в сфере религии. По ее мнению, средневековая демонология в своей основе восходит к этрусским представлениям. *Л. А. Ельницкий*, оценивая доклады о проблеме этрусского языка, оспаривал тезис о перспективности применения выводов нестратического языкознания к интерпретации этрусского языка. морфологическая основа которого до сих пор не выявлена. При таком положении вещей, полагает он, и книга З. Майяни не заслужила той только отрицательной оценки, какую она получила в докладах А. И. Харсекина. *Л. И. Савинкова* (Москва) оптимистически смотрит на возможность интерпретации этрусского языка, указывая на перспективность лингвистического метода А. И. Кондратова по созданию «абстрактной грамматики этрусского языка». *А. И. Харсекин* в дополнение к своему докладу отметил заслуги В. Георгиева в интерпретации этрусского языка, а также указал на справедливость мнения М. Паллоттино о формировании этрусской цивилизации на итальянской почве. *А. Г. Бокщанин* (Москва) в своем выступлении подчеркнул важность хеттской гипотезы В. Георгиева и дополнил ее лингвистические выводы материалами из сравнительной истории религий. Рассматривая проблему тиррено-пеласской инфильтрации, А. Г. Бокщанин указал на необходимость учета моментов тектонической активности в районе первоначального обитания предков этрусов. *Н. П. Писаревский* (Воронеж) коснулся затронутого в докладе Б. Б. Пиотровского вопроса о связях этрусов с Урарту. Отрицая возможность прямых торговых контактов, Н. П. Писаревский объясняет сходство этрусской и урартской техники обработки металлов первоначальным обитанием предков этрусов в районе древнейшего

кавказско-малоазийского металлургического очага. Этот тезис вызвал возражения *С. П. Борисковской*, полемизировавшей также с *А. И. Немировским* по некоторым вопросам истории этрускологии. Ответив на замечания, *А. И. Немировский* указал на большое научное значение конференции и желательность публикации ее материалов. *К. С. Горбунова* (Ленинград) от имени организаторов конференции поблагодарила всех принявших участие в ее работе.

В свободное от заседаний время участники конференции ознакомились с выставкой произведений этрусского искусства, побывали в особой кладовой Государственного Эрмитажа, а также совершили экскурсию в Павловский дворец.

В. И. Козловская